

ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ПРАВО В ВИЗАНТИЙСКИХ ПРОВИНЦИЯХ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.5.3>

UDC 94(495).01
LBC Г23

Submitted: 31.08.2016
Accepted: 28.09.2016

RHETORICIAN HIMERIUS AND HIS SCHOOL IN ATHENS AT 2ND HALF OF THE 4TH CENTURY A.D.¹

Anna M. Bolgova

Belgorod National Research University, Belgorod, Russian Federation

Nikolay N. Bolgov

Belgorod National Research University, Belgorod, Russian Federation

Abstract. The complex cultural processes related to the conservation of the ancient heritage had taken place in the period of Late Antiquity. At the same period, the high school of a new had been shaped – the school with the classical religious content that would satisfy the needs of the Christian society. The leaders of the third sophistry, in particular, Himerius, a teacher of Basil the Great and Gregory the Theologian and head of the rhetorical school in Athens of 2nd half of the 4th c. A.D., played an important role in this process. In his 34 preserved speeches classical themes dominate, and the poetic spirit is observed. Information about other speeches was obtained through excerpts and references of Photius (9th c. A.D.). In addition to the rhetoric, some Himerius's speech fragments are also of special interest. These fragments refer to the rhetorical school and teaching, as well as appropriate vocabulary. The heritage of Himerius is very poorly studied in Russian historical science and is in need of updating. Himerius was on a par with other prominent rhetoricians of that period – Libanius from Antioch and Themistius from Constantinople, but in comparison to them Himerius was more committed to the classical tradition.

The authors of the present article are grateful to Dr. R.J. Penella for discussing some ideas of this article.

Key words: Himerius, rhetoric, school, Late Antiquity, Athens, speech.

УДК 94(495).01
ББК Г23

Дата поступления статьи: 31.08.2016
Дата принятия статьи: 28.09.2016

ГИМЕРИЙ РИТОР И ЕГО ШКОЛА В АФИНАХ 2-й ПОЛОВИНЫ IV ВЕКА¹

Анна Михайловна Болгова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Российская Федерация

Николай Николаевич Болгов

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Российская Федерация

Аннотация. В эпоху Поздней Античности происходили сложнейшие культурные процессы, связанные с консервацией античного наследия. В это же время оформлялась высшая школа нового типа – с классичес-

ким содержанием для нужд христианского общества. Важную роль в этом сыграли деятели третьей софистики, в частности, руководитель риторической школы в Афинах 2-й половины IV в. Гимерий, учитель Василия Великого и Григория Богослова. В его 34 сохранившихся речах преобладают классические темы и ощущается поэтическое начало. Информация о других речах известна по выдержкам и упоминаниям Фотия (IX в.). Помимо собственно риторики особый интерес вызывают отдельные места речей Гимерия, относящиеся к риторической школе и преподаванию в ней, а также соответствующая лексика. Наследие Гимерия крайне слабо изучено в отечественной исторической науке и нуждается в актуализации.

Ключевые слова: Гимерий, риторика, школа, Поздняя Античность, Афины, речи.

Гимерий (ок. 310/315–386 гг.) – один из наиболее знаменитых риторов и преподавателей 2-й половины IV в., представитель Афинской школы риторики, современник и коллега Либания (Антиохия) и Фемистия (Константинополь).

Ритор происходил из вифинского города Прусия (предположительно Прусий на Гипии), был сыном Амейния, которого Суда называет «ритором» (Suda I 348).

Гимерий самостоятельно стал софистом, блестящим оратором и учителем риторики в Афинах, где изучал риторику в молодости (Orat. 41.2). В какой-то момент он получил афинское гражданство. В более позднее время он стал членом ареопага. Он женился на девушке из уважаемой афинской семьи, стал отцом дочери, а также преждевременно умершего сына Руфина.

Афинское гражданство было для него источником гордости. Городские академические традиции обрисованы им так: «Из-за [красноречия] я бросил сторону благословенного счастья родной земли и поселился на волшебных берегах Иллисса» (Orat. 10.20). Когда Гимерий выступал за пределами Афин, его эллинизм с готовностью приобретал аттический оттенок. Тем не менее он не забывал и свою родную землю. Когда он обратился к студентам из Прусия в Афинах, он назвал их «согражданами» и надеялся, что их риторические достижения будут украшением его родного города (Orat. 27). Есть упоминания о посещениях им Прусия: в речах 12–15 Гимерий, кажется, говорит об отсрочке поездки туда, в речи 44 он собирается покинуть Афины для поездки в Прусий, а из речи 63 следует, что он только что возвратился оттуда.

Преподавание Гимерия в Афинах можно разделить на два периода². Первый период истек вскоре после начала декабря 361 г., когда Юлиан начал править в Константинополе.

Император, возможно, встретил Гимерия во время своего краткого пребывания в Афинах в 355 г. и вместе со своим братом Цезарем Галлом и императором Констанцием публично хвалил его. Вероятно, что еще в 351 г. (фрагм. 1.6) Юлиан пригласил своего товарища-язычника присоединиться к нему, и софист ответил на этот призыв. Неудивительно, что Гимерий приветствовал воцарение Юлиана за «рассеяние... мрака [то есть христианского правления], который мешал нам воздевать наши руки к Солнцу», за то, что тот «поднял храмы богов... вывел религиозные обряды из-за рубежей города [Константинополя] и сделал священными тайны небесных богов, введенных в город» (Orat. 41.8; 65.3). Не следует, однако, предполагать, что понимание Гимерием язычества и его уровень религиозного рвения были такими же, как у Юлиана.

После смерти Юлиана в 363 г. Гимерий находился где-то к востоку от Афин (некоторое время провел в родном Прусии?) и не возвращался вплоть до смерти афинского софиста Прозерсия в 366 году [4, р. 83]³. Это возвращение ознаменовало начало его второго периода преподавания в Афинах.

По-видимому, в Константинополе Гимерий, присоединившись к императору Юлиану, обратился с утраченной ныне речью (51) к Претекстату, который только что был назначен проконсулом Греции. Торжественная речь 41 также была дана в Константинополе. Гимерий также ораторствовал в Фессалониках и Филиппах (39 и 40) на пути в Константинополь. Единственная информация о деятельности Гимерия во время правления Юлиана, которая у нас имеется, это загадочное замечание в «Истории» Иоанна Цеца (XII в.) (6.46. 303–324). Цец дает имена пяти «секретарей» (grammateus): секретарь Катона Старшего Салоний, секретарь Катона Младшего Сарпедон, секретарь Брута, «Юлиана [секретарь]

Гимерий» и «Феодосия [секретарь] Фемистий». Увязка республиканских деятелей с фигурами Поздней Античности в одном контексте была свойственна таким византийским авторам-антикварам, как Цец.

Важно уточнить, что имел в виду Цец, называя Гимерия грамматевсом. Видимо, Цец считал Гимерия человеком, поставившим свои литературные таланты на службу Юлиану, чтобы играть при нем соответствующую роль. Сопоставление же с ним Фемистия предполагает более заметную общественную роль: Фемистий был важным константинопольским политиком – сенатором, городским префектом при Феодосии I, советником и идеологом у нескольких императоров. Такая роль по своей природе менее вероятна для Гимерия, учитывая его происхождение. Если же его роль была столь же важна, как у Фемистия, то следует искать какие-то упоминания об этой его ипостаси в позднеантичных источниках. Если это предположение правильно, то Гимерий составил торжественную речь 42 к префекту претория Секунду Салютию в годы после смерти Юлиана и до его возвращения в Афины.

Как долго длился второй срок преподавания Гимерия в Афинах и, когда он умер, мы точно не знаем, хотя Евнапий говорит нам, что он дожил до глубокой старости (Vitae phil. 14.2 [494]). Если Флавиан из речи 12, который там фигурирует как предполагаемый проконсул Азии, является младшим Никомахом Флавианом, мы имели бы доказательства, что Гимерий был жив в начале 380-х гг., так как Никомах засвидетельствован как проконсул Азии в 382–383 годы. Другие речи могут показать деятельность Гимерия в 370-е гг., но соответствующие даты исполнения должностей упоминаемых там чиновников являются предположительными.

Мы имеем также немного информации о деталях первого периода преподавания Гимерия в Афинах и его предыдущей жизни. Его рождение помещают в диапазон от начала 300-х до конца 320-х годов. Тимоти Барнс предположил, что Гимерий занимал должность преподавателя в Константинополе с 343 до 352 г., до начала его первого афинского периода преподавания [1, р. 210, 212, 224]. Но твердых доказательств для этого нет. Аргументы Барнса основывались на одном пассаже в речи 41

(41.2). Все, что мы можем извлечь из этого отрывка, это то, что через некоторое время, вскоре после того, как Гимерий закончил риторическую учебу в Афинах, он путешествовал, но не на Запад, а на Восток, и произнес речь в Константинополе. Торжественная речь 62 также была дана в Константинополе до 353 года. Но двух выступлений в Константинополе недостаточно для доказательства того, что Гимерий преподавал там как софист.

Существует доказательство, что Гимерий поселился в Афинах и служил софистом уже в середине 340-х годов. Евнапий утверждает, что Гимерий был софистом в этом городе, когда префект претория Иллирика Анатолий организовал там конкурс ораторского искусства (Vitae phil. 10.6.6 [491]). Этот Анатолий должен был быть префектом в середине 340-х гг., и он не одноименен иллирийскому префекту 357–360-х годов [4, р. 88–91]. Торжественная речь 32 адресована «префекту Анатолию», вероятно, префекту 357–360-х гг., с помощью которого со временем Гимерий достигнет своей полной профессиональной состоятельности и получит репутацию делать эти почести (Сократ Схоластик в Hist. Eccl. IV. 26.6 описывает Гимерия и Проэресия как пришедших в полный расцвет своих сил, когда Василий Великий и Григорий Назианзин учились у них в первой половине 350-х гг.).

Речи Гимерия свидетельствуют о его путешествиях по провинции Ахайя. Торжественная речь 11 была прощальным адресом, с которым он выступил в Афинах, когда уезжал из Коринфа. Торжественная речь 30 была дана в Афинах, когда он вернулся из Коринфа. Библиография Гимерия у Фотия упоминает еще одну речь (70), данную по возвращении из Коринфа, полностью утраченную, и несохранившиеся речи (Lalia), произнесенные в Коринфе (75). Еще одна утраченная речь (72) была дана в «городе лакедемонян [Спарте], когда, повинувшись мечте, [Гимерий] пошел молиться богу [Аполлону] в Амиклы». Коринф был резиденцией губернатора провинции, с которым Гимерий мог при случае иметь деловые отношения. Неясно, как много различных поездок из Афин в Коринф совершил Гимерий в приведенных выше сообщениях. Мы также не имеем никакой информации о том, когда имели место эти поездки.

Сохранился полный текст монодии Гимерия к сыну Руфину. К сожалению, мы не знаем ни когда Руфин умер, ни год брака Гимерия. Руфину, кажется, было около двадцати лет на момент его смерти в Афинах. Гимерий в это время был далеко, на берегу реки Мелас. Т. Барнс предполагает, что это был каппадокийский Мелас, а Руфин умер в 362 г., в то время как Гимерий пересекал Малую Азию в свите Юлиана. Р. Пенелла утверждает, что здесь имеется в виду беотийский Мелас. Руфин умер, возможно, к концу первого периода преподавания Гимерия в Афинах, когда софист был предположительно вынужден бежать из Афин и Беотии из-за профессиональной ссоры⁴.

Предположительно эта профессиональная ссора произошла с христианским софистом Прозересием, соперником Гимерия в первый период преподавания последнего в Афинах⁵. По Иерониму (*Chron.*, р. 242–243 Helm) Прозересий был уволен со своей должности, когда Юлиан запретил христианам преподавание, хотя император был готов сделать исключение в его случае. Евнапий сообщает, что Юлиан выразил восхищение Либанием, по крайней мере, отчасти «горюя, что большой софист Прозересий выражает предпочтение другим» (*Hist. Frag.* 26.2 Blockley). И тот же автор в своих биографиях философов и софистов утверждает, что Гимерий обратился ко двору императора Юлиана «в надежде на почести, поскольку Прозересия этот император невзлюбил» (14 [494]).

Это рассуждение может быть упрощено: Евнапий учился у Прозересия, и его характеристика в жизнеописании длинная и хвалебная. Он имеет твердое мнение о Прозересии. Тем не менее его замечания о Гимерии краткие, но не неблагоприятные: «Он был приятным и гармоничным оратором. Его особенности стиля и композиции были гладки и созвучны политической риторике. Иногда, хотя и редко, Гимерий поднимался до высот богоподобного [Элия] Аристида» (14 [494]). Созомен (*Hist. Eccl.* VI.17-1) называет Прозересия и Гимерия самыми уважаемыми софистами своего времени в Афинах. Они, возможно, таковыми и были, но не следует верить искренности Созомена, который превозносил их здесь как преподавателей великих отцов церкви Васи-

лия Великого и Григория Богослова⁶. Если, как говорит Евнапий, Гимерий присоединился к Юлиану в надежде получения выгод от императора из-за неприязни к Прозересию, он поспешил обратно в Афины, по тому же писателю (*Vitae phil.* 14 [494]), узнав о смерти Прозересия в 366 году. Его профессиональное будущее в Афинах должно было выглядеть ярче, когда его соперник ушел. Независимо от этого Фотий точно так же говорит, что Гимерий «возглавил школу риторики в Афинах» (*cod.* 165, 109a), и это утверждение может намекнуть на более безопасное положение Гимерия, имевшего на одного соперника меньше во второй период своего преподавания там.

Гимерий имел некоторые отношения с крупнейшим антиохийским софистом Либанием. Вполне возможно, что они впервые встретились в период обучения Либания в Афинах (336–339 гг.). В 355–356 гг. Гимерий, преподававший в Афинах, имел некоторые проблемы с землей, которой он владел в Армении. Либаний был в курсе того, что происходит, и написал оценщику губернатора Армении Горгонию с просьбой вмешаться в дело от имени Гимерия. «Человек этот достоин высокого уважения, – пишет Либаний (Ер. 469), – и он не имеет и небольшого имущества». Если Горгоний поможет ему, продолжает Либаний, то он будет чествовать красноречие и богов красноречия.

Оба софиста приняли участие в риторическом конкурсе в Никомидии во время пребывания там Либания между 344 и 349 годами. В Ер. 742, написанном в 362 г., Либаний вспоминает конкурс, спонсируемый Помпеяном, губернатором Вифинии, который «заслуживает истинного красноречия и подвержен влиянию поддельного красноречия». Речь, которую Либаний произнес на этом конкурсе, сохранилась как декламация 46; это мелетия на вымышленную тему, начинающаяся словами: «Тема, которая задана Помпеяном». В библиографии Гимерия у Фотия есть ссылка на утраченную речь (53), данную в Никомидии, «когда [Гимерий] настоятельно должен был [приехать туда? для участия в конкурсе?] по приглашению Помпеяна, который был там губернатором». Это, безусловно, тот же конкурс, который описан и Либанием. Но есть одна сложность. В Ер. 742 Либаний пишет следу-

ющие слова своему корреспонденту Цельсию, который должен был присутствовать на конкурсе: «Неужели ты помнишь, как [губернатор] высмеивал великолепно одетого парня из Афин, нападая на него за его нежелание [сопоставиться], ибо он хотел показать свою слабость?» Этим «парнем из Афин», естественно, считали Гимерия. Если это так, то что произошло с оценкой Либанием человека, которого он похвалил так высоко в Ер. 469? Одним из объяснений может быть то, что их отношения оказались исчерпанными, так что Либаний в 362 г. представил нервозность молодого Гимерия (и его модную одежду) в уничижительной форме вместо вежливого замалчивания. Или, если исключить мнение об изменении в их отношениях, может быть, что Либаний выразился о Гимерии официально в деловом письме-обращении к Горгонию, но не сдержался от более живой оценки, желая поразвлечься за счет Гимерия в «личном» письме Цельсу, своему бывшему студенту в Никомидии [7, р. 726]. Генрих Шенкль предложил другой (и привлекательный) выход из этих затруднений: «великолепно одетый парень из Афин» не может быть Гимерием, это был какой-то другой участник конкурса. Фраза не имеет в виду обучение софистов в Афинах; это могло быть просто обращение к одному из многочисленных выпускников афинских школ риторики [8, р. 34–40].

Корпус Гимерия, который у нас имеется ныне, вряд ли находится в идеальном состоянии. Он содержит некоторые речи, которые сохранились в полном объеме. В других случаях, когда мы имеем непрерывный отрывок текста, не всегда легко решить, есть ли у нас вся речь (короткая *dialexis*?) или нет. Для многих из речей сохранилась только серия разрозненных выдержек. Наконец, есть некоторый текст, который сохранился только в одной поврежденной рукописи, то есть полной лакун.

Гимерий дошел до нас частично в прямой традиции, частично через эксцерпторов и лексикографов, которые брали из его речей материалы для себя. Рукописи, которые непосредственно передают тексты Гимерия, составляют стандартное издание Аристиде Колонны, которое опирается на три основные: Parisinus Bibl. nat. Suppl. gr. 352 (Кодекс R)

XIII в., Monacensis gr. 564 (Кодекс A) XIV в., а также Oхoniensis Baroccianus gr. I 31 (Кодекс B). Кодекс R является наиболее важным из них потому, что только он сохраняет весь текст. К сожалению, он серьезно пострадал, и в ряде речей остались лакуны. Некоторые из этих лакун могут быть восполнены текстом, который сохранился в других источниках, но речи 23–27, 29–30 и 33–35 остаются сильно пострадавшими.

Более важным из двух эксцерпторов Гимерия является византийский патриарх IX в. Фотий. В «Библиотеке», cod. 243, он дает нам отрывки начиная от нескольких строк вплоть до большого текста из более чем 35 речей Гимерия⁷. Фотий имеет странную привычку – как правило, он говорит нам, что начинает выписки или выдержки с вступления (*prooemium*), но не указывает, когда он переходит от *prooemium* к основной части речи. Второй набор выдержек Гимерия (*Excerpta Neapolitana*) находится в рукописи XIV в. Neapolitanus bibl. nat. gr. II C 32. И, наконец, у нас есть некоторые цитаты из Гимерия в лексиконе Андрея Лопадията, так называемом *Lexicon Vindobonense* XIV века⁸.

Фотий делает выдержки из Гимерия не только в cod. 243. В cod. 165, в «Гимериевой библиографии Фотия», он дает полный список из 70 названий речей Гимерия, по-видимому, используя какие-либо списки, доступные ему. Игнорируя здесь несколько осложнений⁹, мы можем сказать, что речи, выдержки из которых дает Фотий в cod. 243, приходятся на первую половину списка речей, приведенных в cod. 165, и что по большей части порядок названий в cod. 243 совпадает с cod. 165. Порядок речей в редакции А. Колонны принципиально иной, нежели в библиографии Гимерия у Фотия. Г. Шенкль, который работал над критическим изданием Гимерия, которое так и не появилось, также использовал библиографию Гимерия у Фотия в качестве основы для списка коллекции речей. А. Колонна считает, что образец IX в. действительно вряд ли можно использовать в качестве архетипа.

Многие из речей Гимерия посвящены проблемам повседневной жизни его школы. В отдельный блок можно выделить так называемые декламации на воображаемые советательные и судебные темы и эпидейктические

кие речи с вымышленным содержанием. Р. Пенелла выделяет также тематический ряд речей на имя римских чиновников. Две речи посвящены сыну Гимерия Руфину. Три речи Гимерия, данные в Фессалониках, Филиппах и Константинополе после вызова к императору Юлиану, также можно собрать вместе, как и речи, ранее произнесенные в Константинополе. Эпиталама Севера, сохранившаяся в полном объеме, является ценным примером этого жанра. Наконец, остаются еще разрозненные фрагменты.

Так как большинство речей имеет более чем один источник текста, мы часто имеем более чем одну версию названия. Часто то, что представлено как заглавие речи, особенно в рукописях кодексов R и B, намного больше, чем обычное название, это на самом деле пояснительная записка об обстоятельствах или содержании речи. Имеются в виду такие указания, как в схолиях, представляющие текст или часть текста. Мы не знаем происхождения этих схолий, в которых Гимерий упоминается в третьем лице, но их происхождение, несомненно, древнее.

Названия и открытые схолии передают отдельные речи различными терминами. Два общих термина – *logos* (речь) и *epideixis* (ораторское выступление, показ)¹⁰. Иногда природа речи точно указана (например, монодия, пропемптик, эпиталама, мелетия (*melete*) [декламация на воображаемую тему]). Иногда сообщается, что речь была изначально произнесена экспромтом.

Единственные два термина для обозначения речей в названиях и схолиях, которые нуждаются в уточнении, – *dialexis* (рассуждение, дискурс) и *lalia* (речь, рассказ). Оба термина относятся к простым, неформальным, как правило, довольно коротким (хотя это и относительное понятие), приятным и разговорным речам, с менее пафосной и серьезной риторической композицией, нежели собственно речи (*oratio*). Такие композиции могут стоять отдельно или быть непосредственной прелюдией к декламации или другим ораторским произведениям; в этом последнем случае они могут быть названы *prolaliai* или *proagones* (также в глоссариях засвидетельствовано слово *prodialexis*). Ряд речей Гимерия назван *dialexeis* или *laliai* (22, 38, 40, 42, 44, 45, 46, 63,

64, 69, 74, 75). Этот жанр уточняется с помощью названия или схолий, где есть женские артикли, местоимения, указательные местоимения без четко выраженного существительного (39, 40, 54, 62, 63, 68, 74).

Название речи 40 в библиографии Фотия – «*Dialexis* в Филиппах». Речь 63 названа Фотием также *dialexis*¹¹. Торжественная речь 74 у Фотия называется *lalia*. Под названием *protreptikos* в речи 35 понимается *logos*; под названием *protreptike* в речи 68, вероятно, *dialexis* или *lalia*.

Являются ли *dialexeis* и *laliai* Гимерия самостоятельными или они служат вступлениями (предварительными *dialexeis*, *prolaliai*) к чему-то еще? Мы не можем быть уверены в этом. В *dialexis* название может относиться либо к целому, либо к отрывку из вступления. *Lalia* может пониматься и как *prolalia*¹².

Р. Пенелла считает, что речи 38, 40, 46, и 60 являются предварительными *dialexeis* или *prolaliai*; так же, возможно, как и речи 39, 62 и 68¹³. Они, возможно, первоначально были декламациями на воображаемые темы; если это так, то эти предварительные тексты иллюстрируют жизнь Гимерия и его школы и следовало бы проявить больше интереса к ним, чем к информации, которая сохранилась в речах.

В нескольких речах Гимерия даны *protheoria* (предварительные пояснительные комментарии). Для речи 9 сохранилась вся *protheoria*; в речах 1, 3 и 10 мы имеем отрывки из нее. Можно сравнить эти *protheoria* у Фемистия, Либания и Хорикия¹⁴.

Гимерий уделяет много места метафорам и сравнениям. Его метафоры являются не оригинальными, но частыми. Они, несомненно, вызвали трудности у толкователей текста Гимерия, имевших дело часто с фрагментарным, а иногда и поврежденным текстом.

Особенно интересна «школьная» терминология Гимерия. Студенты коллективно называются им «хором» (Or. 54.1; 69.6, 9), «сбродом» или «стадом» (10.2; 12.36; 54.2). Он часто обращается к ним как к своим «мальчикам» или «детям» (10.2; 54.2: «саженцы»). Из этого следует, конечно, что Гимерий – их «отец», что Роберт Кастер называет «одним из самых распространенных образов учителя в Поздней Античности» [3, р. 68; 6, р. 33–36; 11, р. 307–308]. Другое наименование для сту-

дентов Гимерия, общее в названиях и открытых схолиях из речей, – это *etairoi*, буквально «друзья». Здесь иерархическое «отцы/дети» заменяется эгалитарным, что делает учителя и студентов равными в академической общности. Перевод *etairos* как «студент», к сожалению, стирает неоднозначность греческого слова. Иногда Гимериев контекст оставляет неясным значение *etairos* (см. названия 11, 44 и 62).

Для обозначения своих учеников Гимерий иногда использует и более общий термин «друзья», *philoï*. В торжественной речи 27 он приветствует студентов (*etairoi*) из Пруссии. В тексте речи Гимерий обращается к своей аудитории и как к *paides*, и как к *philoï*. Если он обращается к смешанной аудитории студентов и не студентов, то использует *philoï*. Торжественная речь 16 призывает положить конец раздорам в школе Гимерия. Она направлена на его учеников, к которым он обращается как к *philoï*. Торжественная речь 45 празднует выздоровление студента Гимерия от болезни; те, к кому он обращается как к *philoï*, предположительно другие студенты. Наконец, если Р. Пенелла прав в понимании речи 44, то там используется имя одного из учеников Гимерия по случаю студенческого дня рождения, остальные присутствующие, названные *philoï*, предположительно сокурсники¹⁵.

Гимерий иногда использует язык религиозного посвящения, чтобы описать акт учения. То, чему он учит, описывается как «наши обряды». Он посвящает своих учеников в тайну. Он показывает им священный огонь (Orat. 10.4, 34 [3, 7, 20], 35 [3–6, 71], 54.3, 61.4, 69.7–9). Изучение философии является посвящением в «величайшие тайны» (Or. 48.21). Метафора имеет платоническую родословную.

Красноречие или ораторское искусство являются средствами, препаратами (Or. 16.1); виды живописи или скульптуры (12.2, 5; 23.3; 3.15, 32.12, 13; 36.2; 48.16) представляют праздник (23.9; 59.4). Прежде всего это музыка или песня (а иногда также и танец) (Orat. 12.38; 32.1; 46.2, 7; 48.5, 31). Азианские софисты опозитизированы в ритмическом стиле как «поющие» (*adein*) [11, р. 233–237]. Корпус Гимерия в целом наполнен аллюзиями на красноречие, музыку или песни или конкретно указывает на музыку, которую издаю-

лиры, трубы, цикады, лебеди, соловьи, ласточки и др.

Фотий отмечает: «Писания [Гимерия] наполнены примерами из истории и из всевозможных мифов, либо что-то доказывают или делают сравнение, или добавляют удовольствие и красоту к тому, что сказано» (Bibl., cod. 165, 108б).

Многие из этих историй можно рассматривать как расширенные метафоры; они являются аналогиями, которые иллюстрируют ораторскую ситуацию. Иногда точек соприкосновения между историей и реальной ситуацией оказывается несколько. Торжественная речь 60 заканчивается рассказом о Пиндаре. Некоторые приезжавшие в Афины ионийцы сталкивались с ним. Они хотели, чтобы он усладил их своей лирической поэзией. Пиндар дал им лишь короткие мелодии, но пообещал расширенные на следующий день. И вот он является под пером Гимерия; заезжие ионийцы составляют параллель ионическим гостям, которые приехали в школу Гимерия, а короткие мелодии соответствуют коротким *dialexis* Гимерия, будущие обширные песни – это будущее, полное декламаций, которое он обещает. В речи 34 Солон, принимающий своего сына, чтобы увидеть драмы Эсхила в Афинах (эта сцена в хронологическом плане невозможна), – это его адресат Аркадий, взявший своего сына, чтобы послушать Гимерия.

Нужно быть внимательным к различным аналогиям и точкам соприкосновения в этих рассказах и свидетельствах о реальной ситуации, которые может дать история. В речи 65 «О тех, кто участвует (в) конфликтах и отсутствует на лекциях» есть рассказ об Агамемноне, созвавшем собрание, хотя Ахилла, «очевидного вождя греков», там не было. Вот и Гимерий собирает своих учеников, и аналогия показывает, что он – глава студентов среди тех, кто отсутствует.

Как правило, актуальность истории у Гимерия достаточно ясна. В двух случаях, однако, необходимое освещение обеспечивается лишь схолиями. Торжественная речь 39 была произнесена в Фессалониках. В ней Гимерий сравнивает Музонию, викария Македонии, которого он показывает, с Алкивиадом. После показа свойств Алкивиада Гимерий говорит: «Давайте также воздадим честь

Никию нашими словами», которые он продолжает произносить в остальной части этого пункта. Это отступление о Никии осталось бы совершенно темным, если бы не открытие схолий, которые говорят нам, что консуляр Македонии Каллиоппий присутствовал на произнесении этой торжественной речи, как и викарий Музоний. Восхваляя сотрудничество Алкивиада и Никия, Гимерий фактически хвалит как Музонию, так и Каллиоппию, явно намекая на последнего. Торжественная речь 40 была прочитана в Филиппах, когда Гимерий находился в пути, чтобы присоединиться к императору Юлиану, который вызвал его. Речь заканчивается аналогичной историей: Аристотель вызвал Александра, остановился в городе Атарней, чтобы приветствовать город, и его бывший ученик Ермий выступил с короткой композицией. В этой истории Аристотель – это Гимерий, Александр – Юлиан, а Атарней – Филиппы. Кто же в таком случае Ермий? Это было бы совершенно непонятно без открытия схолий, которые говорят нам, что бывший ученик Гимерия Север присутствовал при том, как Гимерий выступал в Филиппах.

Сюжеты Гимерия из греческих мифов или истории представляют многочисленные лестные сравнения самого Гимерия и его адресатов с крупными фигурами из прошлого. Гимерий, новый Хирон, учитель Ахилла, и его врач-адресат Аркадий могли думать о себе как о новом Демокее, знаменитом враче прошлого (Orat. 3.4). Гимерий повторяет Одиссея, разрываясь между островом феаков и родиной (44.1). Или его адресат Гермоген повторяет Одиссея, а сам Гимерий играет роль Филоктета, адресата, приказывающего софисту «выстрелить», то есть разглагольствовать (48.1–2). Гимерий является Ахиллом, «украшающим спор в конце» (25 [1–14]). Его адресат Урсакий является Абарисом, пришедшим с севера (23.4–7). Учитель Приват, адресат речи 29, новый Анахарсис, пришел в Грецию из-за ее рубежей, как новый Феникс. Двое из адресатов Гимерия в Фессалониках, как уже было отмечено, сопоставимы с Алкивиадом и Никием (39.11–13). Аркадий слушал Гимерия, как Солон анахронически смотрел драмы Эсхила (34). Ионические гости посещают Гимерия в Афинах по аналогии с визитом «очень известных ионийцев» туда же к Пин-

дару (60.4). Пение Тимофея для Александра отражается в речи Гимерия к Флавиану (12.1). Гимерий – новый Анакреон, Стесихор, Ивик (69.5); он, как Исократ (33), отражает Сократа, прогоняя студентов от чужих учителей (35 [9–25]), высмеивает мужей, но ему покровительствует Аполлон (38 [5–7]). И этот список можно продолжить.

Это сюрреалистический мир, амальгама, в котором прошлое и настоящее слились как во сне, богато представленный в речах Гимерия, типичен для греков под властью Рима. Преданность прошлому и идентификация с ним были центральной частью имперской идентичности греческого культурного сообщества, особенно среди элиты [9, р. 65–100]. Когда Гимерий уподобляет себя Сократу или адресату Одиссея, он, по крайней мере, настолько прав, насколько укрепление культурной самобытности объясняется некоторыми психологическими потребностями тогдашнего общества.

Почти все речи Гимерия имеют поэтический тон, хотя вряд ли в этом есть что-нибудь уникальное. Замечательно то, как звучит этот тон: красноречие софиста – это «поэзия, только кажущаяся прозой» [11, р. 235]¹⁶. Склонность Гимерия к метафоре и сравнению является частью его поэтического склада. Существует также вопрос о его стиле¹⁷; но, чтобы обнаружить в его лексиконе то, к чему его современники отнеслись бы как к «поэтическому», требуется высокая чувствительность, ибо эти «поэтизмы» часто теряются.

Другим аспектом поэтического склада Гимерия является явный его интерес к поэтам древности: в их цитировании, повторении, обращении к ним. Одни отмечают в первую очередь Гомера, но у Гимерия Гомер не особенно примечателен, потому что внимание к последнему является повсеместным. Стоит отметить интерес Гимерия к лирическим поэтам: это Алкей, Алкман, Анакреон, Вакхилид, Ивик, Пиндар, Сафо и Стесихор. Этот интерес обеспечил для софиста IV в. место в *Testimonia* и фрагментах современных изданий этих поэтов. Цитаты, отголоски и ссылки – еще не вся история: Гимерий также часто сравнивает себя с поэтами, а свое красноречие – с музыкой инструментов, которые сопровождали стихи.

Иногда Гимерий указывает вполне явно, что Гомер недостаточен для него и должен быть дополнен лирическими поэтами. В речи 69.5 после цитирования Гомера Гимерий восклицает: «Ну зачем мне нужен Одиссей? Почему мне нужны Гомер и циклопы?.. Давайте лучше искать утешения у муз и лирической поэзии». Затем он цитирует случаи из жизни Анакреона, Стесихора и Ивика, которые сопоставимы с его собственной текущей ситуацией. В речи 27 [24–33] он иллюстрирует свое мнение, обращаясь не только к Гомеру, но и к Анакреону, Алкею, Симониду, Вакхилиду и Стесихору. В другом месте Гомер следует за Пиндаром, Анакреоном, Алкеем и Сапфо (28.1–2).

Гимерий замечает, «что языки софистов презирали поэтов» (Orat. 33 [4–7]). Но Гимерий не разделяет это презрение; он называет себя другом поэтов (38.3); видит себя в качестве партнера поэтов (9.5; 36.17; 46.6; 47.7; 48.4). Гимерий почти выражает сожаление, когда сообщает нам, что он не поэт и, когда он произносит свои слова, он должен говорить в прозе (9.19–20; 12.25, 32; 27 [33–36]; 46.11; 48.10; fragm. 1.7). «Искусство риторики, – заявляет он в речи 48.5, – обидно мне в том, что не научило меня играть на лире или барбитоне, но только, чтобы танцевать танец муз прозой. Так что я дам поэтам право быть страстными и должен... [говорить] по-своему». И еще: «Я бы с радостью убедился, что мои слова стали лирическими и поэтическими, так что я мог бы сказать что-то о вас, кто имеет юношеское воодушевление к этому, как Симонид или Пиндар сделали относительно Диониса и Аполлона» (47.1). Но он также прямо добавляет, что, тем не менее, «мои [прозаические] слова горды и держат голову высоко; они резвятся без ограничений и за пределами метров».

Гимерий гордится своей профессией, гордится традициями *logoi*¹⁸. Тем не менее прощеские и эстетические возможности поэзии пленяют его, и он с радостью и умением работает с ней.

Первое издание Гимерия с латинским переводом выпустил Готлиб Вернсдорфф (1790 г.). Этот перевод был переиздан с изменениями наряду с греческим текстом Фридрихом Дюбнером в 1849 году. Первый

полный перевод на современный (немецкий) язык всего корпуса Гимерия, осуществленный в Германии Харальдом Фолькером, появился лишь в 2003 году [10]. Перевод Роберта Пенеллы на английский язык 2007 г., как и перевод Фолькера, основан на стандартном критическом издании Аристиде Колонны 1951 года [2]. В русском переводе ныне представлены лишь восемь речей. Поэтому задача освоения наследия Гимерия отечественной наукой является сегодня весьма актуальной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Авторы выражают искреннюю признательность д-ру Роберту Джону Пенелле (Университет Фордхэм, Нью-Йорк, США) за личное обсуждение ряда идей статьи и возможность использования отдельных его выводов и наблюдений.

² См. подробнее: [5].

³ Хронология Евнапия определяет смерть Прозерсия в 369 году.

⁴ О возрасте смерти Руфина, идентификации Меласа и предположительной профессиональной сфере см.: [5, p. 21–22], а также [1, p. 223].

⁵ О Прозерсии см.: [12, p. 48–78].

⁶ В параллельном отрывке у Сократа Схоластика (Hist. Eccl. IV.26.6) Прозерсий и Гимерий точно описаны как находящиеся в полном расцвете сил (*ἀκμάσαντων*), в то время как Василий и Григорий учились в возрасте младше их.

⁷ «Более тридцати пяти», потому что этот один набор эксцерптов (наш фрагм. 1) не из какой-то одной речи, но из смеси речей, которая может содержать тексты как минимум из восьми речей.

⁸ О трех новых фрагментах речи Гимерия из Лексикона, недавно извлеченных на свет, см. пг 85 к Orat. 2.3, пг 12 к fragm. 12 и 17. Для полноты нужен еще один фрагмент речи Гимерия (fragm. 2), который сохранился у комментатора Гомера XII столетия Евстафия.

⁹ Например, отсутствие названий Orat. 31 и 32 у Фотия в библиографии Гимерия (в том виде, как мы ее теперь имеем), несмотря на появление новых отрывков из них в cod. 243.

¹⁰ Logos иногда служит выражением маскулинной экспрессии, как и *ῥηθεΐς*, *πρωτορεττικός*, *ἔκ τοῦ* и т. д.

¹¹ *διεἰλεκταί*, *διελέχθη* нельзя считать техническими терминами от *dialexis*, но скорее как общий термин для выступлений.

¹² Конечно, (pro)theoria всегда предварительна.

¹³ См. примечания к вновь открытым схолиям 38, 46 и 68, а также к Orat. 39, 40, 60 и 62.

¹⁴ Them. Orat. 2, 20, 26; Liban., Orat. 59; Decl. 3, 6, 12, 24, 25, 46.

¹⁵ О различных терминах для обозначения студентов см.: [6, p. 18–42; 11, p. 296–297]. Либаний обращается к своему студенту Анаксентию φίλτατε (Orat. 55.1).

¹⁶ «Некоторые из речей [Гимерия] находятся на грани между прозой и поэзией, насколько хорошо это может быть».

¹⁷ Он говорит в protheoria к Orat. 9, что «лучшее правило для свадебных речей – смотреть поэтов по их стилю».

¹⁸ Orat. 35 [65–66]: «Может ли быть подарок более красивый, чем красноречие (λόγῳν), что могла судьба дать человеческому роду?» В речи 23.3 Гимерий замечает, что «любая попытка изобразить нечто не дотягивает до ораторского искусства», но это замечание вызвано отсылкой к живописи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Barnes, T. D. Himerius and the Fourth Century / T. D. Barnes // *Classical Philology*. – 1987. – № 82. – P. 210–224.
2. Himerii Declamationes et orationes cum deperditarum fragmentis / ed. A. Colonna. – Romae: Typis Publicae Officinae Polygraphicae, 1951. – 422 p.
3. Kaster, R. A. *Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity* / R. A. Kaster. – Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1988. – 524 p.
4. Penella, R. *Greek Philosophers and Sophists in the Fourth Century A.D.: Studies in Eunapius of Sardis* / R. Penella. – Leeds: Francis Cairns, 1990. – 165 p.
5. Penella, R. *Man and Word. The Orations of Himerius* / R. Penella. – Berkeley: University of California Press, 2007. – 312 p.
6. Petit, P. *Les étudiants de Libanius. Un professeur de Faculté et ses élèves au Bas-Empire* / P. Petit. – P.: Nouvelles Éditions latines, 1957. – 206 p.
7. Schamp, J. Himerius de Prousius / J. Schamp // *Dictionnaire des philosophes antique. Vol. 3: d'Eccélos à Juvénal* / publ. sous la direction de R. Goulet. – P.: Éd. de CNRS, 2000. – P. 726.
8. Schenkl, H. *Zur Biographie des Rhetors Himerios* / H. Schenkl // *Rheinisches Museum*. – 1917–1918. – № 72. – S. 34–40.
9. Swain, S. *Hellenism and Empire. Language, Classicism and Power in the Greek World, AD 50–250* / S. Swain. – Oxford: Clarendon Press, 1996. – 499 p.

10. Volker, H. *Himerios, Reden und Fragmente: Einführung, Übersetzung und Kommentar* / H. Volker. – Wiesbaden: Reichert, 2003. – x, 420 S.

11. Walden, J. W. H. *The Universities of Ancient Greece* / J. W. H. Walden. – N. Y.: The Macmillan Co., 1912. – 320 p.

12. Watts, E. J. *City and School in Late Antique Athens and Alexandria* / E. J. Watts. – Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2006. – 288 p.

REFERENCES

1. Barnes T.D. Himerius and the Fourth Century. *Classical Philology*, 1987, vol. 82, pp. 210-224.
2. Colonna A., ed. *Himerii Declamationes et orationes cum deperditarum fragmentis*. Romae, Typis Publicae Officinae Polygraphicae, 1951. 422 p.
3. Kaster R.A. *Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity*. Berkeley; Los Angeles, University of California Press, 1988. 524 p.
4. Penella R. *Greek Philosophers and Sophists in the Fourth Century A.D.: Studies in Eunapius of Sardis*. Leeds, Francis Cairns, 1990. 165 p.
5. Penella R. *Man and Word. The Orations of Himerius*. Berkeley, University of California Press, 2007. 312 p.
6. Petit P. *Les étudiants de Libanius. Un professeur de Faculté et ses élèves au Bas-Empire* [Students of Libanius. Professor of the Faculty and His Students in the Lower Empire]. Paris, Nouvelles Éditions latines, 1957. 206 p.
7. Schamp J. Himerius de Prousius. Goulet R., ed. *Dictionnaire des philosophes antique. Vol. 3: d'Eccélos à Juvénal* [Dictionary of Ancient Philosophers. Vol. 3: Schools in Juvenal]. Paris, CNRS, 2000, p. 726.
8. Schenkl H. *Zur Biographie des Rhetors Himerios* [On the Biography of the Rhetorician Himerius]. *Rheinisches Museum*, 1917-1918, Bd. 72, S. 34-40.
9. Swain S. *Hellenism and Empire. Language, Classicism and Power in the Greek World, AD 50-250*. Oxford, Clarendon Press, 1996. 499 p.
10. Volker H. *Himerios, Reden und Fragmente: Einführung, Übersetzung und Kommentar* [Himerius, Speeches and Fragments: Introduction, Translation and Commentary]. Wiesbaden, Reichert, 2003. x, 420 S.
11. Walden J.W.H. *The Universities of Ancient Greece*. New York, The Macmillan Co., 1912. 320 p.
12. Watts E.J. *City and School in Late Antique Athens and Alexandria*. Berkeley; Los Angeles, University of California Press, 2006. 288 p.

Information About the Authors

Anna M. Bolgova, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Department of World History and Foreign Regional Studies, Belgorod National Research University, Pobedy St., 85, 308015 Belgorod, Russian Federation, bolgova@bsu.edu.ru.

Nikolay N. Bolgov, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of Department of World History and Foreign Regional Studies, Belgorod National Research University, Pobedy St., 85, 308015 Belgorod, Russian Federation, bolgov@bsu.edu.ru.

Информация об авторах

Анна Михайловна Болгова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, 308015 г. Белгород, Российская Федерация, bolgova@bsu.edu.ru.

Николай Николаевич Болгов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и зарубежного регионоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, 308015 г. Белгород, Российская Федерация, bolgov@bsu.edu.ru.